

На “Киношоке” Алексей Герман-младший получил приз за лучшую режиссуру. Это случилось всего через десять дней после диплома за дебют, врученного его фильму “Последний поезд” в Венеции. Между двумя событиями лауреат отпраздновал свой 27-й день рождения. В прибрежном кафе, где мы с ним разговаривали накануне закрытия, Алексей Алексеевич сделал ряд ценных признаний, удививших присутствовавших. В частности, он заверил, что Герман-старший не только не принимал никакого участия в создании “Последнего поезда”, но даже не видел его до сих пор. Вкупе с решением жюри этот факт, возможно, убедит сомневающихся в том, что природа умней пословиц. Далеко не всегда она отдыхает на детях гениев.

Сам фильм только кажется “про войну и немцев”. На самом деле история старого толстого несчастного врача, попавшего на русский фронт в зиму, в метель, в леса, — чистая стилизация проблемы, связанной не с войной вообще, а с мироощущением молодого интеллигентного человека. Фильм рассказывает о том, как любому мужчине на свете трудно признать свою слабость, поражение, крах, об итоге военной, воюющей мужской цивилизации. Процесс столь мучителен, что потребовал от молодого режиссера проникновения во все ужасы Второй мировой с подробностями на уровне знаменитой гиперреалистической стилистики его отца. Но процесс все равно происходит — последний раз врач-немец появляется, когда держит за руку умирающую, расстрелянную и сожженную незнакомую русскую женщину, которой больше ничем не смог бы помочь.

— Как ваш фильм попал в Венецию?

— За двадцать дней до открытия фестиваля они получили нашу кассету, перегнанную с только что смонтированной пленки, без перевода на немецкий. На ней вообще звука толком не было, но фильм сразу пригласили в программу “Новые территории”. На самом деле меня еще до того, просто по материалу, отобрали в Канн, в “Двухнедельник режиссеров”, но тогда мы точно сказали, что не успеваем.

— Вам не обидно, что в Венеции “Последний поезд” отметили лишь как дебют, а “Возвращение” получило целые три награды, включая главную?

— Конечно, обидно, причем вовсе не из-за Звягинцева. Помимо того что я действительно старался, снимая кино, я еще очень эмоционально воспринял фестиваль и страшно переживал. Всю последнюю неделю в Венеции ходил белого цвета и нетрезвый, с трясающимися руками. Вот в сравнении с истраченными нервами, наверное, лучше было получить какой-ни-

ГЕРМАН-МЛАДШИЙ

СТАЛ СТАРШЕ

ИРИНА КАЛЕДИНА

После Венеции его оценили в Анапе

будь другой приз. Но такая уж выпала лотерея.

— Вы заявляете, что, снимая фильм, ориентировались на “Семь самураев” и “Гроздья гнева”. А из нашего кино что-нибудь любите?

— У нас масса замечательных фильмов. Хотя бы “Гори, гори, моя звезда” или даже фильмом “Рублева”. Про него уже глупо что-то говорить, но он мне искренне нравится.

— Почему не называете своего папы?

— Понятно, что я считаю отца лучшим нашим режиссером за последние пятьдесят лет. Я никогда этого не скрывал.

— Вы уже выработали методику, как защититься от обвинений, что вы всего лишь “сын Германа” и ваш фильм — это в принципе “фильм вашего отца”?

— Не выработал, но очень хочу. Я уже ненавидеть всех начинаю, как слышу подобные разговоры. Я все-таки стараюсь все делать самостоятельно. Понимаю, что безоговорочный фильм не получится никогда, но желание доказать что-то определенно есть. Доказать, что могу работать независимо от фамилии.

— А вы теперь все время будете сни-

мать про Вторую мировую?

— Таких больших бюджетов мне не дадут, но я бы согласился. Сейчас думаю про фильм о революции, о периоде с 1914 по 1920 год, сквозь который прошло несколько людей, однолеток, и как их раскидала жизнь.

— Вы сразу его начнете или годик-другой покатаетесь с “Последним поездом” по кинофестивалям?

— У меня уже пять или шесть приглашений после Венеции — в Гетеборг, Салоники... Но я хочу немножечко отдохнуть, а потом писать сценарий. Бесконечные разъезды с ощущением собственного величия много кого погубили.

— Вас папа не учил, как вести себя на публике, став заметным человеком?

— Учил, учил. Я не послушался. Он считает, не нужно быть конфликтным. Но вот сегодня одна журналистка задала мне вопрос: “Будете ли вы доснимать “Трудно быть богом”?” Я бросил микрофон и ушел. Вопрос просто оскорбительный. Ведь если доснимать “Трудно быть богом”, это значит, что мой папа должен умереть. А он и так болен довольно серьезно.

— Что с ним?

— Масса всего. Тяжелая сердечная болезнь, и легкие, и диабет. Недавно его спасла только реанимация, а он все равно продолжает снимать. Так было уже два раза. Конечно, в конце концов он доснимет. А кто еще, кроме него, может это сделать?

— Фамилия помогает вам находить финансирование или вы сами такой упрямый?

— Помогают неплохие сценарии. Если бы они были плохие, никакая фамилия не помогла бы. И еще одну вещь могу вам объяснить. У отца, который вроде бы известный режиссер, корейская машина 1996 года, которая практически ничего не стоит, финансовых резервов в семье нет, и если я напишу плохой сценарий, родители никогда не будут меня двигать.

Я четко знаю, что у меня есть только один шанс — проскочить, получив хорошую награду на фестивале класса “А”. Это Берлин, либо Канн, либо Венеция. Другого шанса у меня в жизни нет.

— Как вы думаете, почему в этом году Венеция пролоббировала именно русские фильмы?

— Думаю, потому что другие были хуже. Да и на нас появилась мода, как раньше на китайцев, но она скоро пройдет. И все-таки, на мой взгляд, в какой-то мере это начало подъема нашего кино. И дальше, в ближайшие десять—пятнадцать лет, все зависит уже от личности.

Катя ТАРХАНОВА, Анапа — Москва.

МОСК. КОМ. СОМ. МЕЛ. 2003. 16 СЕНТ. — С. 5